

Ирина Сулова

**«НАДО ЗНАКОМИТЬСЯ С МАШИНАМИ»:
МАТЕРИАЛЫ О КРЕМАЦИИ В ГАЗЕТАХ
«ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА» И «ЛЕНИНСКИЕ
ИСКРЫ» (1927–1930-Е ГГ.)**

Индустриализация была одной из главных тем пионерской печати в конце 1920-х гг. Крупнейшие советские газеты для детей — «Пионерская правда» и «Ленинские искры» — постоянно публиковали материалы о стройках Пятилетки. Издания призывали пионеров активно участвовать в реализации проекта Пятилетки: знакомиться с техникой, принимать участие в займах. Одной из тем пропагандистской кампании в пионерской прессе 1927–1930 гг. стала кремация. Параллельно с публикациями во взрослых газетах («Известия», «Огонек», «Безбожник») в пионерских изданиях появились восемь материалов, посвященных пользе кремации и открытию в Москве Донского крематория в октябре 1927 г. Первый советский крематорий был построен еще до начала Пятилетки, но его энергичное внедрение в раннесоветский дискурс обновления совпало с первыми годами индустриализации. Достижения первых лет работы этого объекта транслировались детям. Крематорий рассматривался и как техническое достижение, и как средство борьбы с религией, и как символ нового городского устройства (без храмов и обширных кладбищ). Московский крематорий с момента открытия стал экскурсионным пунктом, в том числе для школьных групп. Пионеры других регионов страны могли «совершить экскурсию» в крематорий только с помощью иллюстрированных газетных материалов и выставок. Одна из таких общедоступных экспозиций, электрическая панорама «Кремация», работала в Ленинграде в 1929–1930-е гг.

Ключевые слова: Периодика для детей, пионеры, индустриализация, Первая пятилетка, кремация, «Пионерская правда», «Ленинские искры».

Ирина Сергеевна Сулова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
ЦГПБ им. В.В. Маяковского, Санкт-Петербург
ira.suslova.spb@gmail.com

Рубеж 1920–1930-е гг. в СССР стал временем грандиозной ломки и колоссальных испытаний для граждан страны.

Выполнение индустриальной программы началось в 1926 г. Ко времени официального утверждения в 1929 г. плана Первой пятилетки (1928–1932) индустриализация шла уже полным ходом. Проект по превращению крестьянской страны в промышленную военную державу потребовал огромных затрат. Для его реализации были задействованы стратегии разной степени жесткости: от присвоения церковного имущества, продажи предметов искусства за границу и создания полутора тысяч торгсинов — магазинов, где люди могли купить продукты питания, отдав за них «бытовое золото», серебро, антиквариат [Осокина 2019, 54–55], до коллективизации.

При этом задачей Пятилетки было не только построить сотни новых объектов (в том числе гигантов вроде ДнепроГЭС, Турксиба или Магнитки), не только закупить за границей машины, проекты предприятий и целые производственные линии и найти нужных специалистов. Необходимо было «наладить выпуск» новых (или обновленных) советских людей. Амбиции распространялись как на революционный промышленный прогресс, так и на само человеческое развитие [Хоффманн 2018, 301], предполагалось, что в это время будет формироваться новая, «советская» нация [Добренко 2020, 58]. По словам Максима Горького, «советский человек — существо, все более привлекающее внимание трудящихся земли, — надо, чтобы это был образцовый человек» [Горький 1935, 3].

Советская власть верила в могущество экономических факторов, которые меняли образ действий и образ мысли отдельных людей. Вместе с тем власть постоянно обращалась к средствам образования, печати и культуры, которые могли непрерывно и эмоционально воздействовать на огромные массы. Пионерская пресса становится для детей конца 1920-х гг. прогрессивным, авторитетным и популярным (судя по тиражам) печатным ресурсом, на чьих страницах репрезентируется образ *коллективного сверстника*. Публикация в газетах большого количества писем от пионеров со всей страны обеспечивала непрерывное общение многотысячного коллектива детей, живущих в разных местах, в семьях с разной культурой и достатком.

В центре нашего исследовательского интереса — технология подачи в пионерских газетах пропагандистского материала, посвященного индустриализации страны. Изучив публикации в пионерских газетах за несколько лет (с 1927 г. по 1930 г.), можно отследить

ход кампании по продвижению Пятилетки: в фокусе нашего внимания — трансформация сюжетов и типажей героев, описываемых в текстах, посвященных Пятилетке и индустриализации, отражение в газетных материалах содержания и осуществления различных государственных акций и общественных начинаний, упоминание отдельных фактов и деталей, так или иначе связанных с пропагандой пятилетнего плана. Материалы центральных пионерских газет «Пионерской правды» (ПП) и «Ленинских искр» (ЛИ) демонстрируют течение масштабной пропагандистской кампании по продвижению проекта Пятилетки. Помимо информации о главных стройках Пятилетки, практически в каждом выпуске «Пионерской правды» и «Ленинских искр» от лица авторов статей и пионеров давались конкретные инструкции о том, как читатели-дети сами могут подключаться к процессам преобразования действительности в духе задач Пятилетки. Инструкции, касались, например, изготовления поделок («как сделать игрушечный автомобиль», «как сделать технический фокус» и т. д.), а также проведения детьми сезонных кампаний (займы индустриализации, сбор металлолома, макулатуры). Так, например, на базе журнала «Пионер» в 1930 г. был основан «Инженерный факультет» для читателей и анонсировалось открытие «Автомобильной школы» писателя Виктора Шкловского, посвященное началу работы Нижегородского автомобильного завода: «Знание автомобиля и трактора нужно каждому советскому школьнику и пионеру», — утверждают авторы статьи [Что будет в «Пионере» 1930]. В одной из статей журнала, опубликованной в том же году, обосновывалась актуальность идеи «Инженерного факультета» и приводилась примерная программа на 1931 г.:

Машины всюду вокруг нас: в комнате, на улице, на заводе. Надо их знать, надо уметь ими пользоваться, надо уметь ими управлять и ставить на службу социалистическому строительству. Прежде чем быть настоящими инженерами, мастерами, строителями, надо знакомиться с машинами, с механическими помощниками человека, с техникой. Чтобы «догнать и перегнать» Америку, мы должны быстро овладеть новой, совершенной техникой [Инженерный факультет 1930, 1].

Студенты факультета должны были познакомиться с устройством самых разных машин и механизмов:

Внутренности машин. Стальные суставы. Машины без паровых котлов. Что такое двигатель внутреннего сгорания? Электрические машины. Машины на рельсах, на колесах — в воздухе, на воде. Машины, делающие машины. Фабрика машин [Инженерный факультет 1930, 1].

Необходимость овладения техническими знаниями начинала стремительно идеологизироваться и превратилась в одну из важнейших составляющих в процессе «формовки» нового человека.

Пионеры обязуются драться за металл

Среди публикаций в «Пионерской правде» и «Ленинских искрах» за 1927–1930 гг. мною было выявлено около 3000 материалов, посвященных индустриализации. Они представляют собой тексты различного характера: очерки, заметки, хроники, короткие повести на индустриальную тему (напр., «Повесть о Красном Тартальщике» Н. Погодина), стихотворения, открытые обращения (напр., обращения к пионерам Н. К. Крупской). Ниже речь пойдет о материалах, непосредственно посвященных индустриальной теме. Они сгруппированы по тематическому принципу, назовем некоторые из них: Авиация (дирижабли, самолетостроение, летчик, авиэтки)¹; Автомобили (Автодор); Ангара ГЭС; Военизация (сборы, новинки оружия); Волховстрой; ГОЭЛРО (электрификация); Днепрострой; Донбасс; Железная дорога (паровозы); Займы индустриализации и т. д. В некоторые группы включено более сотни материалов (в такие, например, как Радио, «Индустриальный» туризм и др.), в другие — не более десяти текстов (напр., Крематорий).

Согласно нашей гипотезе «индустриальные» материалы появляются сначала в центральных газетах, а после их подхватывают детские издания. Рассмотрим пример освещения в прессе стройки целлюлозного комбината на реке Сясь под Ленинградом.

В январе в газете «Правда» появляется заметка «Сясьский целлюлозный комбинат начнет работать 1 мая с.г.» [Правда 1928, 4]. В марте газета «Известия» публикует информационную сводку «Большое целлюлозное строительство на Севере» [Известия 1928, 4] и очерки Бориса Пильняка «Сясьский комбинат» [Пильняк 1928, 3]. В апрельском номере газеты «Ленинские искры» появляется статья «Большие дела на реке Сясь», в которой её авторы иллюстрируют рассказ о появлении нового комбината схемой, объясняющей, как из дерева получается бумага [Ленинские искры 1928, 4]. Характерно, что статья об этом проекте не появилась в газете раньше, хотя строительство Сясьского комбината велось в Ленинградской области. Тем не менее издававшаяся в Ленинграде газета «Ленинские искры» не написала о стройке до появления статей в центральной прессе. В «Пионерской правде» про Сясьстрой ничего не пишут, хотя строительство и маркировано как «большое».

Зачастую пионерские газеты призывают не только интересоваться ходом Пятилетки, изучать подшивники или читать техническую литературу, но и стать агитаторами за новую власть и распространять техническое (индустриальное) знание. Это видно по кампании индустриальных займов, в которой пионерам настоятельно предлагалось участвовать (склонять родителей сдавать деньги на займ, устраивать агитационные карнавалы, самим зарабатывать на участии в займе сбором грибов и работой в совхозе). В газете «Пионерская правда» за вторую половину 1929 г. вышла 31 публикация о займах (Третий займ индустриализации, займ Моссовета). Среди материалов есть и статьи редакторов, и письма пионеров, в частности письмо пионерского отряда из подмосковного детдома:

Мы, пионеры-октябрята детдома им. Свердлова, читаем «Пионерскую правду» и видим, что все отряды помогают строительству СССР, покупая облигации 3-го займа индустриализации. Мы не имеем своих денег и решили все наши работы по выпиливанию рамок, полок, по аппликации и т. д., сделанные за год, пустить в беспроигрышную лотерею. Мы сделали 120 билетов по 50 коп., выручили 60 руб. и приобрели облигацию 3-го займа. Вызываем последовать нашему примеру детдома им. Павшина и «Лесной уголок» в Болшеве. Пионеротряд [Помогли строительству 1929, 6].

Обычно пионерская инициатива в пользу Пятилетки была регламентирована. Заработанные деньги следует отдать на благо страны и на пользу пролетариев всего мира, а именно: на займ «Пятилетку в четыре года», на посевную кампанию, помощь китайским детям, постройку школы, международный пионерслет, поддержку французской газеты «Юманите», подводную лодку «КИМ», трактор «Безбожник», бастующих металлистов Германии, на освобождение Гарри Айзмана [Гарри Айзман снова за решеткой 1930], на памятник Карлу Либкнехту или на культобслуживание лесорубов (по материалам «Ленинских искр» за 1930 г.).

Идеальнейший способ погребения во всех отношениях

Среди материалов об индустриализации есть публикации о кремации и крематориях. Всего было найдено восемь текстов, посвященных этой теме (см. Приложение к статье). Всё это редакторские материалы, среди них нет писем пионеров. «Пионерская правда» исправно информировала детей о строительстве, а затем о работе крематория в Москве. В 1930 г. появился большой материал в газете

«Ленинские искры» с анонсом скорого строительства ленинградского крематория.

Первый советский крематорий был построен еще до начала Пятилетки (открыт в 1927 г.), но его энергичное внедрение в раннесоветский дискурс обновления совпало с первыми годами индустриализации. Знакомство со стройками Пятилетки начиналось задолго до их запуска, а ход строительства освещался годами:

Когда вырастет Днепрострой, когда первый раз по проводам брызнет «кровь промышленности» — электрический ток, — оживет край. Вырастут новые металлургические заводы, двинется разработка алюминия из руд Тихвинского бассейна... [Ток Днепростроя 1927, 2].

Еще не существующий, лишь запланированный (или находящийся пока на стадии котлована) объект рассматривался как реальный в пионерской прессе, как уже воплотившийся в жизнь. Его гипотетические показатели публиковались в хрониках (напр., в сводках «Что будет в СССР в 1940 году» газеты «Пионерская правда»), а сам объект-проект даже наносился на географическую карту:

Трудно переоценить то обстоятельство, что объекты, размещенные на карте, обретали статус реально существующих. Этот прием, в частности, использовался в картах пятилеток (они были рекомендованы к включению в школьные учебники), где принципиальное различие между действующими, строящимися и запланированными объектами было снято уже в силу самого факта картографирования [Орлова 2008, 86–87].

С Донским крематорием в Москве произошла обратная ситуация. Задуманный еще в начале 1920-х (конкурс проектов состоялся в январе 1925 г.) как авангардный проект, крематорий впоследствии «добирал» индустриальное значение. Вскоре после открытия крематория агитационная кампания за идею кремации, направленная на взрослых, сходит на нет. В то же время пропаганда кремации в пионерской прессе только начинается. Более того, пионерам (новым советским людям) была поручена агитация за прогрессивную идею кремации: «Задача молодежи — растолковать и объяснить все то хорошее, что несет с собой крематорий» [Огненное погребение 1927]. При этом не указано, кого нужно агитировать и как конкретно нужно помочь (в отличие от материалов о займах, где все было прописано детально). Кремация, по мнению авторов статей,

имеет много положительных аспектов. Это торжество технического прогресса (как в развитых западных странах), атеизма, санитарии, экономии и эстетики.

Крематорий в пионерской прессе позиционировался как часть индустриального советского проекта (в качестве одной из строек Пятилетки), а принятие идей кремации выступало как часть нового культурного мышления советского человека. Согласимся с историком И. Сидорчуком, отметившим, что «в постреволюционных условиях большевики, видевшие в развитии техники залог победы революции, включили кремацию в образ своей технократической утопии. Она стала, наряду с электрификацией или радиофикацией, в первую очередь, частью нового культурного мышления, и лишь затем способом борьбы с религиозными традициями» [Сидорчук 2018, 51].

В пионерской печати традиционный способ захоронения порицался главным образом за «некультурность» — неэкологичность, неэкономичность и отсталость (от некоторых западных стран — Германии, США). Пропаганду идей кремации корректно будет отнести с пропагандой науки и техники. Ричард Стайтс заметил, что «огненные машины крематория были идеальным символом большевистского ухода из жизни: чисто, удобно и экономично» [Stites 1989, 114]. Крематорий всегда противопоставлялся кладбищу: кладбища — «свалки для мертвых» [Северный 1927]. Мертвое тело отождествлялось с мусором/отходами, а потому проблема надлежащего обращения с ним решается закономерным способом: так же как и мусор, мертвое тело должно быть уничтожено, и как можно быстрее, безопаснее и технологичнее [Соколова 2020, 82]. Антирелигиозный аспект кремации непременно озвучивался, что подробно рассмотрели в своих работах исследователи [Шкаровский 2006; Измозик, Лебина 2010]. Но кремация не исключала присутствия в советском крематории религиозных служителей и отпевания по церковному обряду. Материалы о кремации представляют интерес как самостоятельный и пока не исследованный локальный сюжет, органично вписывающийся в общий контекст пропагандирования советского крематория как объекта индустриализации.

Кремация как раннесоветский проект

Кремация занимала особое место в системе ранних большевистских ценностей. Советский популяризатор кремации, инженер Гвидо Бартель, настаивал: «В нашу эпоху победоносного пробыва-

ния знанием дороги даже в гущу наиболее отсталой части населения, знаменем которой становится просвещение и наука — нет у нас больше места для суеверий, предрассудков и косности! Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией — дорогу кремации!» [Бартель 1925, 75]. Новая власть легализовала крематории 7 декабря 1918 г. декретом Совнаркома РСФСР «О кладбищах и похоронах» [О кладбищах и похоронах 1968]. На тот момент в стране не было действующих крематориев, за исключением только одного — он находился во Владивостоке и работал для живущих в городе японцев.

При обращении к истории кремации в России стоит учитывать, что инициатива ее утверждения изначально исходила отнюдь не от большевиков. Задолго до 1917 г. ряд инженеров, врачей, гигиенистов активно популяризировали идею трупосжигания как одну из составляющих решения кладбищенского вопроса и символ новой культуры [Мохов 2018; Сидорчук 2018].

Легализация и пропаганда кремации в течение 1920-х гг. становятся частью раннесоветского дискурса обновления. Крематорий виделся частью нового советского города — как дом культуры или школа. Постройка крематория должна была стать материальным воплощением нового видения идеального городского пространства: *место* кладбищ занимают парки и зеленые зоны, *функцию* кладбищ выполняет компактный колумбарий. Анна Соколова утверждает: «Кампания по ликвидации кладбищ в СССР должна быть рассмотрена не столько как целенаправленная борьба с народной и семейной памятью или как проявление циничного всеразрушающего атеизма, бездумно превращающего кладбища в детские площадки, а храмы — в планетарии и скотобойни, сколько как переформатирование этих пространств в русле большевистской модернизации» [Соколова 2018, 74]. Кремацию советская пропаганда стала преподносить как высокотехнологичную инновацию, давно распространенную на Западе, которая позволяет сократить рост кладбищ и изменить ландшафт города, препятствовать эпидемиям, уменьшить расходы на похороны, а также «поставить на место» представителей церкви.

Интересно, что при основании новых советских городов забывали даже про колумбарии, не говоря уже о кладбищах. Например, при возведении Магнитогорска в генеральном плане города не было проекта строительства кладбища или другого места погребения. Первые жители города, возникшего в 1929 г., пользовались сельскими погостами [Kotkin 1997]. Однако бесплатные брошю-

ры о кремации издавались и в маленьких провинциальных городах вроде Козлова² [Весслер 1931].

Первый советский опытный крематорий заработал в Петрограде зимой 1920–1921 г. и был закрыт из-за отсутствия топлива. Его история подробно описана историками и краеведами [Мохов 2018; Орлов 2015; Сидорчук 2018; Шишкин 2018; Шкаровский 2006]. Во время Гражданской войны средств на постройку полноценного крематория не хватило, поэтому сожжения проводились во дворе дома на пересечении Камской улицы и 14-й линии Васильевского острова, в реорганизованном помещении бывших бань, куда установили печь «Металлург». Организатором Петроградского крематория был Борис Каплун — член коллегии отдела управления Петроградского совета, инженер, энтузиаст кремации и автор статьи «Сожигание человеческих трупов» [Каплун 1919]. Каплун приветствовал экскурсии любопытных в крематорий. Сохранились впечатляющие воспоминания Корнея Чуковского о посещении петроградского крематория 3 января 1921 г.:

Каплун ехал туда, как в театр, и с аппетитом стал водить нас по этим искверканным залам... Мы смеемся, никакого пиетета. Торжественности ни малейшей. Все голо и откровенно. Ни религия, ни поэзия, ни даже простая учтивость не скрашивает места сожжения. Революция отняла прежние обряды и декорумы и не дала своих. Инженер рассказывал, что его дети играют в крематорий. Стул — это печь, девочка — покойник. А мальчик подлетит к печи и бубубу! Это — Каплун, который мчит на автомобиле [Чуковский 2018, 329].

По определению Чуковского, в первом крематории «печь была советская, инженеры были советские, покойники были советские — все в разладе, кое-как, еле-еле» [Чуковский 2018, 328]. Прах сожженных складывали не в урны (их не успели сделать), а в жестяные ящики, сделанные из ставших ненужными дореволюционных вывесок. Отметим, что проблема печей и урн позже была решена. Для московского крематория закупили уже немецкую печь и разработали дизайн стандартных советских урн.

Для пропаганды кремации подобное зрелище было контрпродуктивным. Экспериментальный проект не стал популярным и никак не повлиял на погребальные практики жителей Петрограда. Из 300 человек только несколько были кремированы по их собственной просьбе, в основном же в крематорий везли невостребованные трупы.

Первый «настоящий» советский крематорий в Москве должен был производить совершенно противоположное впечатление. Открытию Донского крематория в октябре 1927 г. предшествовала большая пропагандистская кампания. Ее целью было преодолеть негативное отношение людей к трупосожжению — представление о непочтительном отношении с умершим, о пугающем уничтожении тела, о смешении останков. Кремация вызывала у обывателей даже не столько ужас, сколько недоумение — что отражено в эпизоде романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931). В маленьком прибрежном Черноморске собирались строить крематорий, но пожилым черноморцам трудно было осознать предлагаемую практику сжигания человека, словно связки поленьев. Стресс, тревогу и недоумение они прикрывали смехом и шутками.

Для знакомства с новым способом погребения использовались публикации в газетах, бесплатные брошюры и лекции. Популяризатор кремации Гвидо Бартель в 1925 г. выпустил монографию «Огненное погребение (Кремация)», которая переиздавалась в 1928 и 1930 гг. Он же стал организатором выставки, посвященной кремации, прошедшей в Москве в 1924 г. Популяризация кремации виделась ему настолько же перспективным, насколько и сложным делом, обязательно требующим подробного, упорного и деликатного разъяснения [Бартель 1928]. Выставка нужна была в период строительства крематория, после его открытия все желающие могли бесплатно посетить действующий Донской крематорий и посмотреть на сожжение тела. Личное знакомство, по всей вероятности, должно было произвести положительное впечатление и снять стресс непонимания и неприятия сожжения.

Приведем воспоминания пожилого (1855 г.р.) москвича Алексея Орешникова, который посетил 18 ноября 1927 г. только что открытый Донской крематорий:

Со старого кладбища я прошел на новое к крематорию, около которого стояла громадная толпа, ждавшая очереди на осмотр; пускали группами по записи бесплатно, но можно было, заплатив 25 к., пройти, что я и сделал. Насколько снаружи крематорий непривлекателен, настолько приятное впечатление делает внутри. Когда мы собрались около того места, где опускается гроб с телом вниз, нам какой-то интеллигентный молодой человек рассказал о кремации, показал, как пустой гроб поднимается снизу и опускается, провел к колумбарии, где расставлены в нишах урны [с] сожженными костями, рассказал пользу кремации и вред погребения; после спустились вниз к печи, где при температуре в 1000 по Цельсию сжигается труп; сегодня сжигали тело какого-то

беспризорного, мы по очереди проходили к оконцу и, быстро взглянув, проходили дальше, можно было рассмотреть только клокочущее пламя; оставалось рассмотреть только устройство низа печи, но я не пошел и отправился домой. Около печи, когда проходили, было довольно жарко... [Орешников 2010].

Во второй половине 1920-х гг. публикации о кремации появлялись в самых разных периодических изданиях: «Огонек», «Безбожник», «Строительство Москвы», «Вестник знания». В них крематории рассматривались как прогрессивные технические сооружения и часть нового градостроительного проекта [Лавров 1926], как эффективный способ распространения атеизма [Цветков 1926], как гигиеничный способ захоронения [Василевский 1928]. Особенно много публикаций было приурочено к открытию Московского крематория в октябре 1927 г., выход материалов подобного толка продолжался и позже. Кремация понималась как самый разумный способ захоронения [Маллори 1927] и как популярный экскурсионный объект [Селенкин 1928].

Представим выдержки одной из самых известных публикаций, появившейся в журнале «Огонек», которую чаще всего цитируют при упоминании советской агитации за кремацию. В этой статье крематорий показан как некий суперпроект, отвечающий сразу и на практические, и на эстетические, и на смысловые запросы:

Вот оно, это новое: величественное, урбанистическое здание крематория. Вдали вышка радиостанции им. Коминтерна!... Крематорий — это конец мощам нетленным и прочим чудесам. Кремация — это гигиена и упрощение захоронения, это отвоевывание земли от мертвых для живых... [Маллори 1927, 18].

В 1930–1931 гг. в сатирическом журнале «Крокодил» вышло несколько бытовых материалов на тему кремации. Например, в одном из номеров публикуется карикатура на дешевые столовые как на исправного поставщика покойников крематорию, а также заметка о том, что на железнодорожной станции Харьков «насильно всучивают» брошюры «Огненное погребение» [По Сеньке и книжка, 1931].

Интересно, что в «Крокодиле» появляется материал о бюрократических сложностях, с которыми столкнулись работники крематория, подписав обязательство по экономии сырья: «Как досрочно выполнить пятилетний план? Ведь в четыре года никак нельзя сжечь

всех покойников, которые умрут за пять лет!» [Паника в крематории, 1930]. Сотрудники крематория ставятся в позицию обычных работников производства, которым навязали невыполнимые обязательства и нагружают бумажной волокитой. Комические ситуации несли успокоительный смысл. Описание стандартных бюрократических проволочек, с которыми сталкивается любое производство, переводит крематорий из разряда «дикинок» в число обычных предприятий, преодолевающих обычные трудности.

Кремация в газетах «Пионерская правда» и «Ленинские искры»

Кремационный цикл публикаций в газете «Пионерская правда» открывается в 1927 г. заметкой «Крематорий скоро будет готов». Она кажется образцом технической информативности и деловитости:

Сооружение в Москве первого крематория подходит к концу. В подвале крематория установлено две кремационных печи, рассчитанные на сожжение 15 трупов в сутки каждая. В нижнем помещении крематория, помимо печей, устроены два морга для хранения трупов, секционная комната для вскрытия трупов, дезинфекционная камера, кабинет врача и т. д. В южных и северных крыльях здания устроено помещение для хранения урн с пеплом (колумбарий). В этом же этаже оборудованы два ожидальных зала и вестибюль. В центральной части здания на возвышении находится катафалк для установки гроба для совершения гражданских панихид и отношений по церковному обряду. Отсюда гроб механически будет опускаться в нижнюю часть здания и вводиться в печь для сожжения. Устройство крематория обойдется в 400.000 рублей. Открытие крематория состоится в мае [Пионерская правда 1927, 2].

В этой заметке есть несколько особенностей, которые повторяют обширные статьи о кремации «Огненное погребение» [Огненное погребение 1927, 8] и «Крематорий» [Крематорий 1930, 12], а также заметки объемом в пару строк в хронике «Обо всем» газеты «Пионерская правда».

Представим эти особенности:

1. Крематорий выступает технической новинкой, ориентированной на опыт других стран: «сооружение в Москве *первого* крематория подходит к концу». Европейский опыт часто подчеркивался в публикациях для взрослых, а также попадал в хроники «Пионерской правды», где очень кратко (в одно-два предложения) рассказывалось о новинках науки и техники: «В Германии насчитывается 86 крематориев (печей для сжигания трупов)» [Обо всем 1929].

Основа крематория — немецкая «чудо-печь»: «В конце прошлого столетия в Германии была изобретена печь, в которой при очень малой затрате топлива (80–100 килограмм угля) достигается температура в 900–1000 градусов. Оказалось, что в такой печи труп может быть сожжен не с топливом, а раскаленным воздухом» [Огненное погребение 1927]. СССР не должен отставать от Запада в техническом плане ни по одному пункту, вдохновлять должен пример Москвы: «Вот почему кремация быстро распространилась за границей, вот почему и наша Москва на днях открывает свой первый в СССР крематорий» [Огненное погребение 1927]. Отметим, что в московском крематории была установлена немецкая печь фирмы «Топф» [Орлов 2015].

2. Описано высокотехнологичное производство со сложным с устройством: дезинфекционная камера, кремационные печи, колумбарий. Часть процессов происходит механически, что будет подчеркиваться и впоследствии: «Дверцы распахиваются, гроб вкатывается в раскаленную камеру, из которой пышет тысячеградусный жар. Дверцы камеры сами собой захлопываются. Все это делается автоматически, без участия человека» [Крематорий, 1930].

3. Похоронный обряд в тексте никак не связан с утратой, с потерей близкого. Это абсолютно технологический процесс. В небольшом тексте три раза употребляется слово «труп», три раза «печь» и два раза — «гроб». Слова «смерть», «горе», «боль», «слезы» не упоминаются ни разу. Приготовленные к сожжению «трупы» или «гробы» (в других публикациях — «покойники») обезличены и воспринимаются как материал для работы машины.

4. В тексте даны точные цифры плана дневных сожжений («15 трупов в сутки» с каждой из двух печей), а также сумма на устройство крематория — 400.000 рублей. Последняя цифра указывает на масштаб и серьезность этого строительства.

Не только дневная, но и месячная «норма выработки» крематория впоследствии будет сообщаться пионерам. Об успехах этого индустриального объекта стоит знать любому школьнику СССР. В «Пионерской правде» в течение двух лет появятся три «отчетные» публикации в рубрике «Обо всем»: «В московском крематории состоялось недавно сожжение тысячного трупа» [Обо всем, 1928]. «За май в московском крематории [так в тексте] было сожжено 475 трупов (20 проц. всех умерших в Москве)» [Обо всем, 1928а]. «В московском крематории сожжено со дня его открытия, 27 октября 1927 г., 2.300 трупов» [Обо всем, 1928б]. В этой рубрике появлялись аналогичные сообщения об успехах других пред-

приятый: «27 марта за заводе „Красный Выборжец“ в Ленинграде выплавили из советского сырья первые в ССР 8 кило алюминия [так в тексте]» [Обо всем 1929а].

Экономические преимущества кремации (в том случае, если она будет массовой, чего в 1930-х гг. не случилось) подробно рассматривались и во многих взрослых публикациях и в книгах, где вычислялась стоимость угля и пр. Пропагандист кремации Г. Бартель рассчитывал не только стоимость топлива, но и цену одежды, опираясь на предположение, что стоимость одежды для покойника может быть принципиальна его близким:

2 бумажные одежды — одна мужская, одна женская — служат одеянием для покойников. Они крайне дешевы, и, главное, дают легкий пепел, в то время как наша обычная, в особенности шерстяная одежда, стоит значительно дороже и может быть с большей пользой употреблена живыми... [Бартель 1928, 94].

5. Крематорий выступает как комфортное для посещения место. Внутри не только «два ожидальных зала и вестибюль», там еще и «блестят трубы большого органа» [Крематорий 1930]. Приятный интерьер отмечали и взрослые посетители (см. выше воспоминания Алексея Орешникова).

6. Предусмотрена возможность участия представителей какой-либо конфессии в прощании, «отношений по церковному обряду». В других статьях также есть указание на возможность религиозных обрядов в крематории: «Гроб ставится в специальном зале крематория, а затем, после выполнения обычных формальностей (религиозных или гражданских, — безразлично), он тихо и плавно начинает опускаться в нижний этаж» [Огненное погребение 1927]. При этом делается однозначное заключение: «Кремация еще один сильный удар по религии» [Крематорий 1930].

7. Колумбарий с урнами подается как альтернатива захоронению на кладбище. Кремация должна была стать достойным способом утилизации останков в стерильных условиях и давать эстетичный результат в виде урны, сделанной в форме пятиконечной звезды — именно такое изображение приводится в большинстве советских книг и брошюр о кремации [Бартель 1928; Селиванов 1930]. Подчеркивается качество итогового «продукта», который помещается в урну: «6 пудов хорошего черного кокса дают 1 1/2 кило белых нежных костей» [Маллори 1927], «чистый прах» [Селиванов 1930, 18], «белый и тонкий пепел своих костей» [Огненное погребение 1927]. Вероятно, такое настойчивое описание результата кремации

(нежное, белое, чистое) имело замысел контрастировать с результатом разложения тела при традиционном способе захоронения: «подземные жуки и черви разносят заразу из могил к поверхности земли» [Огненное погребение 1927].

В статье «Пионерской правды» подчеркивается, что урны с прахом можно даже держать прямо у себя дома: «Урны с прахом покойников можно держать у себя дома» [Огненное погребение 1927]. Но в статье, опубликованной в журнале «Огонек», содержится альтернативное мнение: «Дома, на квартире, нельзя держать останки сожженного. Это объясняется только жилищной московской теснотой» [Маллори 1927].

К слову, за десять лет работы Донского крематория в лексикон московских детей постепенно входит понятие кремации и урны как места посмертного упокоения. Можно судить об этом по материалам книги Корнея Чуковский «От двух до пяти» (в первых изданиях — «Маленькие дети»). Она была опубликована впервые в 1928 г. и переиздавалась почти каждый год. Глава о восприятии маленькими детьми смерти и об их понимании похорон трансформировалась. В издании 1939 г. в тексте появляется урна:

— Мама, — говорит четырехлетняя Анка. — Все люди умрут. Так должен же будет кто-нибудь вазочку (урну) последнего человека на место поставить. Пусть это буду я, ладно? [Чуковский 1939, 83].

8. Авторы статьи анонсируют открытие первого крематория в мае (однако открытие состоится только в октябре). Собственно, само название содержит нетерпение: «Крематорий скоро будет готов». Советскую кремацию в публикациях постоянно «торопят», хотя скорее желаемое видеть осуществленным: «В 1930–31 г. в Москве будут построены новый крематорий и третья печь в работающем сейчас крематории. Пропускная способность обоих крематориев будет доведена до 22.500 сожжений в год. Сейчас пропускная способность крематория 9.000 сожжений» [Обо всем 1929б]. О скором начале строительства (в 1931 г.) крематориев в Ленинграде и в Харькове пишут «Ленинские искры» [Крематорий 1930]. В одном из пропагандистских изданий ОРРИК (Общество развития и распространения идеи кремации в РСФСР) желаемое будущее (с большим количеством советских крематориев) было приближено максимально: «В настоящее время *заканчиваются постройкой* <курсив мой — И. С.> крематории в Ленинграде и Харькове» [Селиванов 1930, 23].

Нам известно, что этого не случилось. В 1930-е гг. советские руководители начали терять интерес к кремации как к эффективному идеологическому оружию [Мохов 2018]. В этот период не было введено ни одного нового крематория, а сама кремация стала уделом (и прерогативой) партийных и государственных деятелей.

Заключение

Кремация находилась в поле идеологического интереса власти с первых месяцев после революции до начала 1930-х гг. В статьях и брошюрах, на выставках и в агитфильмах кремацию представляли как «идеальнейший способ погребения во всех отношениях» [Селиванов 1930, 23]. В газетных и журнальных публикациях описывалось не только строительство и функционирование Донского крематория в Москве. Фиксировались и способы агитации за кремацию, в том числе способы агитации детей: выставки — электрическая панорама «Крематорий» в Ленинграде [Крематорий 1930], культпоходы школьников с учителем в московский крематорий [Зеленая 1934].

Серия из восьми статей и заметок о кремации в газетах «Пионерская правда» и «Ленинские искры» за 1927–1930 гг. — это только малая часть большого агитационного проекта. Пусть основная часть материалов была совсем небольшой по объему, важным было их периодическое появление в рубрике «Обо всем», представляющей хронику текущих событий. Там упоминались новости науки и техники, важные происшествия со всего мира: вышла статья Эйнштейна, летчик установил рекорд, в московском крематории сожгли тысячный труп и пр.

Рассмотрев указанные публикации в контексте «взрослой» агиткампании, мы видим: крематорий в пионерской прессе позиционировался как часть индустриального советского проекта, хотя он и был задуман и построен до начала Пятилетки. Принятие идеи кремации становилось частью нового культурного мышления идеального советского человека. Он думает о большом коллективе сограждан (кремация обезопасит от эпидемий, сократит число кладбищ); интересуется достижениями индустриализации СССР, противопоставит религии (кремация — удар по религии и святыням) и готов распространять знания о кремации. В статье «Огненное погребение» был сформулирован абстрактный призыв: «Задача молодежи — растолковать и объяснить все то хорошее, что несет с собой крематорий» [Огненное погребение 1927]. Основной задачей пио-

нера было самому усвоить, что кремация — это прогрессивно, чисто и совсем не страшно. Взрослый сатирический журнал «Крокодил» транслировал правильное для пионера отношение: «А Борька сказал, что он в крематории уже был с папой, и все равно не интересно, когда тебя жгут, потому что как тебя крышкой заколотят, так ничего не видно» [Зеленая 1934].

Пионеру предлагались новые похороны. Какими же были старые?

Смерть отнюдь не была табуированным сюжетом для детской литературы 1920-х гг. Повесть Александра Неверова «Ташкент — город хлебный» (1923) была популярной подростковой книгой 1920-х гг. [Хеллман 2016]. Книга физиологична, главный герой Мишка Дадонов на протяжении основной части сюжета мучается от голода, испытывает физические и психические страдания. От голода и тифа умирают его близкие. Похорон братьев Мишка не видит. «Зарыли» — говорят ему в больнице о кончине лучшего друга [Неверов 2016, 41]. В пионерской прессе встречаются описания, которые впечатляют своей макабричностью: «Упал Кузька с высоты в ковш, полный расплавленного чугуна. Только поднялся маленький серый парок, всего только один парок и рассеялся по цеху» [Кожевников 1926]. Дети наблюдают массовую гибель людей от голода, эпидемий, насилия. Власть не в силах справиться с беспризорностью. На этом фоне возникает техническое чудо, любопытная машина, результатом работы которого становится «белый и тонкий пепел» в урне с пятиконечной звездой.

У большей части пионеров страны не было возможности попасть на экскурсию в московский крематорий. Однако они могли совершить эту в экскурсию с помощью ярких описаний в публикациях пионерских газет, которые были иллюстрированы фотографиями: «Печное отделение. Гроб вставляют в печь» [Огненное погребение 1927] и «Здание московского крематория и урны с пеплом» [Крематорий 1930].

Пионерская пресса поддерживала самостоятельность и в других вопросах, призывая пионеров (детей 9–15 лет) самостоятельно зарабатывать — и отдавать деньги на займ индустриализации; устраивать небольшие террористические акции вроде сбора церковной утвари в *действующих* храмах — чтобы собрать металл в пользу индустриализации; саботировать праздник Пасхи походом на экскурсию фактически на объекты индустриализации — «в крематорий, на кинофабрику, в Зоосад» [Перед Пасхой 1928]. Иными словами, каждый пионер должен был так или иначе участвовать в индустриализации.

стриализации страны, вовлеченность в жизнь страны эпохи великих преобразований становилась его проверкой на «правильность» и «новизну». Агитационная кампания в пользу кремации в пионерской печати ограничилась восемью публикациями и осталась локальным сюжетом времени первой Пятилетки. Она служит интересным примером знакомства советских детей с темой смерти и похорон в контексте индустриализации.

Приложение

«Огненное погребение» // Пионерская правда. 1927. № 16. С. 8.

В скором времени, не позже начала августа, в Москве, в помещении церкви Ново-Донского монастыря, будет открыт первый в СССР крематорий для сжигания трупов. Очень может быть, что этот новый способ погребения встретит на первых порах нарекания со стороны тех, кто плохо разбирается в его преимуществах. Поэтому задача молодежи — растолковать и объяснить все то хорошее, что несет с собой крематорий тем, кто будет сомневаться в его достоинствах.

Обычно громадное большинство ребят да, пожалуй, и взрослых считает, что с погребением дело обстоит на редкость просто: выделено, дескать, несколько площадей для кладбища, и дело с концом. А, между тем, все это несравненно сложнее.

Прежде всего, — вопрос о городской земле под кладбища. Ведь каждый год в большом городе умирают тысячи и десятки тысяч человек. Значит, им нужна новая «жилая площадь», и какого бы ни взяли размера кладбища, в конце концов, пришлось бы время от времени прирывать к нему новые участки. В последние годы, например, в Москве пришлось прирезать около 15 десятин новой кладбищенской земли.

Таким образом, первым неудобством теперешнего способа погребения является необходимость выделять для кладбища новые участки городской земли, которые обходятся далеко не так дешево: земельная стоимость московских кладбищ — около 6 миллионов рублей.

У старого способа погребения есть еще один громадный недостаток. В большинстве случаев погребенные умирают от заразных болезней. Болезнетворные бактерии, эти крошечные существа, которые являются причиной заболеваний, вместе с трупом попадают в землю и при гниении могут попасть в подпочвенную воду, которая затем, выйдя через колодцы наружу, может заразить живых и здоровых.

Вот те два основных обвинения, которые могут быть предъявлены к старому способу погребения.

Но какой же способ погребения оказался бы лучше теперешнего? Для этого нам придется оглянуться на границу и посмотреть, как там обстоит дело.

В конце прошлого столетия в Германии была изобретена печь, в которой при очень малой затрате топлива (80–100 килограмм угля) достигается температура в 900–1000 градусов. Оказалось, что в такой печи труп может быть сожжен не с топливом, а раскаленным воздухом, и оставляет после себя только белый и тонкий пепел своих костей. Эту печь и применили для сжигания покойников, а новый способ погребения назвали «кремацией».

Сожжение в крематории происходит таким образом. Покойника сначала одевают в специально приготовленные и дешево стоящие бумажные одежды (шерсть при горении дает густой дым и поэтому не разрешена при кремации), а затем кладут в гроб из легкого и тонкого дерева. Гроб ставится в специальном зале крематория, а затем, после выполнения обычных формальностей (религиозных или гражданских, — безразлично) он тихо и плавно начинает опускаться в нижний этаж. Одновременно с этим начинают сходиться с двух сторон крышки, которые закрывающие то место, где перед этим находился гроб. Таким образом, гроб спускается в рабочее помещение, и здесь перекладывается на специальную тележку, движущуюся на рельсах.

Затем дверцы печной камеры открываются, и гроб попадает в печь, где в раскаленном до 1000 градусов воздухе сперва сгорает гроб и одежда, а затем и самое тело. Кости же и пепел проваливаются через печную решетку в таз, и отсюда собираются в небольшую урну (вазу), которую запаивают крышкой и в таком виде отдают родным.

Вот вкратце вся сущность кремации.

Какие же преимущества у кремации перед старым способом погребения? Первое обвинение, которое было предъявлено к кладбищам, это то, что они занимают слишком много дорогой городской площади. Этого совершенно нет при кремации, потому что урны с прахом покойников можно держать у себя дома или же в особых специальных помещениях — «колумбариях», где их можно ставить в стенные ниши (углубления).

Второе обвинение было то, что кладбища могут быть распространителем заразы. Кремация полностью устраняет эту опасность, потому что при температуре в 1000 градусов погибают любые бактерии.

Вот почему кремация быстро распространилась за границей, вот почему и наша Москва на днях открывает свой первый в СССР крематорий.

Текст статьи опубликован без авторской подписи.

Рис. 1. Печное отделение. Гроб вставляют в печь

Крематорий // Ленинские искры. 1930. № 1. С. 12.

Вдоль стены небольшой комнаты сделан целый ряд окошечек. Сотни человек ежедневно приходят и, уплатив 15 копеек, заглядывают по очереди в окошки-глазки.

В первом глазке видно чистенькое с большими окнами здание. Оно похоже на электрическую станцию. Но это только сходство, здание служит совсем для другой цели.

Подойдем ко второму окошечку. Там увидим, что находится внутри. Стулья стоят рядами, как в театре. У стены, за возвышением, вроде сцены, блестят трубы большого органа. Стоят цветы, по середине зала — большое четырехугольное возвышение. Давайте скорее посмотрим все окошечки и поймем, что это за здание и для чего оно служит.

Вот подъезжает автомобиль, из него осторожно выносят гроб. Гроб несут в небольшой зал с органом и ставят на возвышение. Его провожают родственники. Если нехватает средств на оркестр — играет орган. Родственники и друзья покойного последний раз прощаются с телом.

Когда кончается прощание, служитель нажимает кнопку, гроб медленно спускается вниз под пол и становится на тележку в последнем этаже крематория.

Как только гроб коснулся тележки, она сейчас же катится по рельсам к дверцам печи. Дверцы распахиваются, гроб вкатывается в раскаленную камеру, из которой пышет тысячеградусный жар. Дверцы камеры сами собой захлопываются. Все это делается автоматически, без участия человека.

Через несколько минут гроб вместе с трупом обращается в пепел.

Его сыпают в урну. Урну можно поставить на кладбище или оставить в специальном зале крематория.

Во всех странах хоронят покойников по-разному. Это зависит от того, в каких условиях жил народ.

Жители степей зарывают своих покойников в землю. Кочевники оставляют своих покойников на священном холме на съедение шакалам и птицам, которых считают священными.

В Египте бальзамировали трупы, делали их не тлеющими, некоторые такие мумии хранятся в наших музеях.

Жители лесов — германцы, норманы, варяги — сжигали своих покойников на огромных кострах.

Постепенно леса были вырублены, огромные костры казались очень дорогими и народы Германии стали хоронить умерших в земле.

Сейчас в наиболее культурных странах возвращаются к лучшему способу похорон — к сжиганию.

Кладбища больших городов, да и мелких селений, служат рассадниками болезней. 30 лет могила хранит заразу, постепенно распространяя ее. Если покойный был болен заразной болезнью, то почвенные воды, размывая могилы, разносят бактерии в колодцы и реки, откуда мы берем воду для питья.

Подземные жуки и черви разносят заразу из могил к поверхности земли, к растению.

Еще в 1891 году международный съезд врачей в Лондоне обратился ко всем государствам с предложением сжигать все трупы и, особенно, употреблять этот способ во время эпидемий и войн.

Через три года съезд снова напомнил о своем предложении. С тех пор каждый международный съезд врачей хочет ввести кремацию.

Неоднократно выступали врачи против варварского способа хоронить покойников в земле. Но каждый раз свора попов, ксендзов, раввинов и мулл выступала против этого. Каждый гроб — это хлеб для служителей церкви. Попы всех религий объявили сожжение языческим обрядом, нехристианским. Заботы о своем кармане заставляют попов выступать против медицины, заботящейся о здоровье человека.

В СССР пока один крематорий, в будущем году будет строиться еще один — в Ленинграде, на Волковском кладбище. И третий в Харькове. Московский крематорий уже не справляется с работой, иногда выстраиваются очереди.

Чтобы познакомить ленинградцев с устройством и работой крематория, на проспекте 25 Октября открыли электрическую панораму —

Рис. 2. Здание московского крематория и урны с пеплом

«Крематорий». Каждый может за 15 коп. увидеть крематорий внутри и снаружи.

Это помещение никогда не пустует. Многие школы устроили в «крематорий» экскурсии, ознакомились с культурным способом похорон.

Кремация еще один сильный удар по религии.

Текст статьи опубликован без авторской подписи.

Примечания

¹ Авиетка (авиетка) — небольшой самолет, обычно одно-или двухместный.

² Ныне — город Мичуринск в Тамбовской области.

Литература

Источники

Бартель 1925 — Бартель Г. Кремация / под ред. Ф. Я. Лаврова. М.: М. К. Х., 1925. (Популярная. 6-ка по коммун. вопр. Сер. 1 ; Вып. 8). (Bartel' G. Krematsiya / Ed. by F. Ya. Lavrova. Moscow, 1925.)

Бартель 1928 — Бартель Г. Огненное погребение: (Кремация) / с предисл. А. В. Молькова. М.: Издание Наркомздрава РСФСР, 1928. (Bartel' G. Ognennoe pogrebenie: (Krematsiya). Moscow, 1928.)

Василевский 1928 — Василевский Л. М. Кремация // Вестник знания. 1928. № 23/24. С. 1094–1096. (Vasilevskiy L. M. Krematsiya // Vestnik znaniya. 1928. No. 23/24. Pp. 1094–1096.)

Весслер 1931 — Весслер К. К. Что такое кремация? / д-р К. К. Весслер; Ин-т сан. культуры. Облздздрава ЧЦО. Козлов: [тип. Наша правда], 1931. (Vessler K. K. Chto takoe krematsiya? Kozlov, 1931.)

Гарри Айзман снова за решеткой 1930 — Гарри Айзман снова за решеткой // Ленинские искры. 1930. № 25. С. 1. (Garri Ayzman snova za reshetkoy // Leninskie iskry. 1930. No. 25. P. 1.)

Горький 1933 — Горький М. Литературу — детям // Правда. 1933. 11 июня, № 159. С. 3. (Gor'kiy M. Literaturu — detyam // Pravda. 1933. 11 June, No. 159. P. 3.)

Горький 1935 — Горький М. О новом человеке // Правда. 1935. 14 дек., № 343. С. 3. (Gor'kiy M. O novom cheloveke // Pravda. 1935. 14 dec., No. 343. P. 3.)

Декрет СНК 1968 — Декрет СНК О кладбищах и похоронах // Декреты советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 163–164. (Dekret SNK O kladbishchakh i pokhoronakh // Dekrety sovetskoj vlasti. Moscow, 1968. T. 4. Pp. 163–164.)

Зеленая 1934 — Зеленая Р. В. Культпоход // Крокодил. 1934. № 24. С. 4. (Zelenaya R. V. Kul'tpokhod // Krokodil. 1934. No. 24. P. 4.)

Известия 1928 — Большое целлюлозное строительство на Севере // Известия. 1928. 21 марта, № 68. С. 4. (Bol'shoe tsellyuloznoe stroitel'stvo na Severe // Izvestiya. 1928. 21 march, No. 68. P. 4.)

Ильф, Петров 2006 — Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. (Il'f I. A., Petrov E. P. Zolotoy telenok. Moscow, 2006.)

Инженерный факультет 1930 — Инженерный факультет журнала «Пионер» // Пионер. 1930. № 36. С. 1. (Inzhenernyy fakul'tet zhurnala «Pioner» // Pioner. 1930. No. 36. P. 1.)

Каплун 1919 — Каплун Б. Г. Сожигание человеческих трупов // Пламя. 1919. 13 июля. С. 7–9. (Kaplun B. G. Sozhiganie chelovecheskikh trupov // Plama. 1919. 13 July. Pp. 7–9.)

Кожевников 1926 — Кожевников А. Губахин Кузька // Пионер. 1926. № 21. С. 8. (Kozhevnikov A. Gubakhin Kuz'ka // Pioner. 1926. No. 21. P. 8.)

Крематорий 1930 — Крематорий // Ленинские искры. 1930. № 1. С. 12. (Krematoriy // Leninskie iskry. 1930. No. 1. P. 12.)

Крупская 1929 — Крупская Н. К. Старое умирает — новое рождается // Пионерская правда. 1929. № 89. С. 1. (Krupskaya N. K. Staroe umiraet — novoe rozhdaetsya // Pionerskaya pravda. 1929. No. 89. P. 1.)

Лавров 1926 — Лавров Ф. Я. Московский крематорий и его значение // Строительство Москвы. 1926. № 5. С. 7–8. (Lavrov F. Ya. Moskovskiy krematoriy i ego znachenie // Stroitel'stvo Moskvy. 1926. No. 5. Pp. 7–8.)

- Ленинские искры 1928* — Большие дела на реке Сясь // Ленинские искры. 1928. № 13. С. 4. (Bol'shie dela na reke Syas' // Leninskiye iskry. 1928. No. 13. P. 4.)
- Маллори 1927* — Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. 11 дек. № 50. С. 18. (Mallori D. Ognennyye pokhorony // Ogonek. 1927. 11 dec. No. 50. Pp. 18.)
- Неверов 2016* — Неверов А. С. Ташкент — город хлебный. М.: Издательский проект «А и Б», 2016. (Neverov A. S. Tashkent — gorod khlebnyy. Moscow, 2016.)
- Обо всем 1928* — Обо всем // Пионерская правда. 1928. № 39. С. 2. (Obo vsem // Pionerskaya pravda. 1928. No. 39. P. 2.)
- Обо всем 1928a* — Обо всем // Пионерская правда. 1928. № 47. С. 6. (Obo vsem // Pionerskaya pravda. 1928. No. 47. P. 6.)
- Обо всем 1928б* — Обо всем // Пионерская правда. 1928. № 67. С. 2. (Obo vsem // Pionerskaya pravda. 1928. No. 67. P. 2.)
- Обо всем 1929* — Обо всем // Пионерская правда. 1929. № 36. С. 2. (Obo vsem // Pionerskaya pravda. 1929. No. 36. P. 2.)
- Обо всем 1929a* — Обо всем // Пионерская правда. 1929. № 41. С. 2. (Obo vsem // Pionerskaya pravda. 1929. No. 41. P. 2.)
- Обо всем 1929б* — Обо всем // Пионерская правда. 1929. № 122. С. 2. (Obo vsem // Pionerskaya pravda. 1929. No. 122. P. 2.)
- Огненное погребение 1927* — Огненное погребение // Пионерская правда. 1927. № 16. С. 8. (Ognennoye pogrebenie // Pionerskaya pravda. 1927. No. 16. P. 8.)
- Орешников 2010* — Орешников А. В. Дневник. 1915–1933: в 2-х кн. / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшко; отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: Наука, 2010. Эл. версия размещена на сайте «Прожито»: <https://prozhito.org/person/213> (дата обращения 01.03.2020). (Oreshnikov A. V. Dnevnik. 1915–1933: v 2-kh kn. / Ed. P. G. Gaydukov, N. L. Zubova, M. V. Katagoshchina, N. B. Strizhova, A. G. Yushko. Moscow, 2010. El. version «Prozhito»: <https://prozhito.org/person/213> (accessed: 01.03.2020).)
- Паника в крематории 1930* — Паника в крематории // Крокодил. 1930. № 7. С. 3. (Panika v krematorii // Krokodil. 1930. No. 7. P. 3.)
- Перед Пасхой 1928* — Перед Пасхой. Что будет в районах // Пионерская правда. 1928. № 28. С. 5. (Pered Paskhoy. Chto budet v rayonakh // Pionerskaya pravda. 1928. No. 28. P. 5.)
- Пильняк 1928* — Пильняк Б. А. Сяьский комбинат: (очерки) // Известия. 1928. 16 марта, № 64. С. 3. (Pil'nyak B. A. Syas'skiy kombinat: (ocherki) // Izvestiya. 1928. 16 march, No. 64. P. 3.)

Пионерская правда 1927 — Крематорий скоро будет готов // Пионерская правда. 1927. № 10. С. 2. (Krematoriy skoro budet gotov // Pionerskaya pravda. 1927. No. 10. P. 2.)

По Сеньке и книжка 1931 — По Сеньке и книжка // Крокодил. 1931. № 1. С. 12. (Po Sen'ke i knizhka // Krokodil. 1931. No. 1. P. 12.)

Помогли строительству 1929 — Помогли строительству // Пионерская правда. 1929. № 155. С. 6. (Pomogli stroitel'stvu // Pionerskaya pravda. 1929. No. 155. P. 6.)

Правда 1928 — Сяьский целлюлозный комбинат начнет работать 1 мая с.г. // Правда. 25 янв., № 21. С. 4. (Syas'skiy tsellyuloznyu kombinat nachnet rabotat' 1 maya s.g. // Pravda. 25 jan., No. 21. P. 4.)

Резолюция 1972 — Резолюция XIII съезда партии // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сб. документов и материалов. М., 1972. Rezolyutsiya XIII s'ezda partii // O partiynoy i sovetской печати, radioveshchani i televidenii: sb. dokumentov i materialov. Moscow, 1972.)

Северный 1927 — Северный П. Крематорий: (из дорожных впечатлений) // Безбожник. 1927. № 15. С. 5. (Severnoy P. Krematoriy: (iz dorozhnykh vpechatleniy) // Bezbozhnik. 1927. No. 15. P. 5.)

Селенкин 1928 — Селенкин И. Кремация // Известия. 1928. 21 февр., № 68. С. 4. (Selenkin I. Krematsiya // Izvestiya. 1928. 21 feb., No. 68. P. 4.)

Селиванов 1930 — Селиванов Ф. Огненное погребение: популярный очерк кремации. Саратов: Сарат. о-во развития распространения идей кремации, 1930. (Selivanov F. Ognennoe pogrebenie: populyarnyy ocherk krematsii. Saratov, 1930.)

Ток Днепростроя 1927 — Ток Днепростроя — самый дешевый ток в мире // Пионерская правда. 1927. № 31. С. 2. (Tok Dneprostroya — samyy deshevyu tok v mire // Pionerskaya pravda. 1927. No. 31. P. 2.)

Цветков 1926 — Цветков В. С. Огненное погребение // Безбожник. 1926. № 6. С. 8–9. (Tsvetkov V. S. Ognennoe pogrebenie // Bezbozhnik. 1926. No. 6. Pp. 8–9.)

Что будет в «Пионере» 1930 — Что будет в «Пионере» в 1931 году // Пионер. 1930. № 36. С. 1. (Chto budet v «Pionere» v 1931 godu // Pioner. 1930. No. 36. P. 1.)

Чуковский 2018 — Чуковский К. И. Дневник. 1901–1921. М.: АСТ, 2018. (Chukovskiy K. I. Dnevnik. 1901–1921. Moscow, 2018.)

Чуковский 1939 — Чуковский К. И. От двух до пяти. 9-е изд. М.; Л.: Детиздат, 1939. (Chukovskiy K. I. Ot dvukh do pyati. 9 edition. Moscow; Leningrad, 1939.)

Исследования

Добренко 2020 — Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2020. (Dobrenko E. A. Pozdnyy stalinizm: estetika politiki. T. 1. Moscow, 2020.)

Измозик, Лебина 2010 — Измозик В. С., Лебина Н. В. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы: (социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб.: Круга, 2010. (Izmozik V. S., Lebina N. V. Peterburg sovetskiiy: «novyyu chelovek» v starom prostranstve. 1920–1930-e gody: (sotsial'no-arkhitekturnoe mikroistoricheskoe issledovanie). Saint-Petersburg, 2010.)

Мохов 2018 — Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Common place, 2018. (Mokhov S. Rozhdenie i smert' pokhoronnoy industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya. 2 edition. Moscow, 2018.)

Сидорчук 2018 — Сидорчук И. В. «Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией»: к истории кремации в России // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9, № 3. С. 51–67. (Sidorchuk I. V. «Vmeste s avtomobilem, traktorom, elektrifikatsiyey»: k istorii krematsii v Rossii // Sotsiologiya nauki i tekhnologiy. 2018. T. 9, No. 3. Pp. 51–67.)

Соколова 2018 — Соколова А. Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 74–94. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/1/novyy-mir-i-staraya-smert.html> (дата обращения 01.03.2020). (Sokolova A. D. Novyyu mir i staraya smert': sud'ba kladbishch v sovetskikh gorodakh 1920–1930-kh godov // Neprikosnovennyyu zasap. 2018. No. 1. Pp. 74–94. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/1/novyy-mir-i-staraya-smert.html> (accessed: 01.03.2020).)

Соколова 2019 — Соколова А. Д. Кремация в раннем СССР: «Это конец мошам нетленным и прочим чудесам»: [конспект доклада] // Дискурс. URL: <https://discours.io/articles/social/krematsiya-v-rannem-sssr-eto-konets-moscham-netlennym-i-prochim-chudesam> (дата обращения 01.03.2020). (Sokolova A. D. Krematsiya v rannem SSSR: «Eto konets moshcham netlennym i prochim chudesam»: [lecture] // Diskurs. URL: <https://discours.io/articles/social/krematsiya-v-rannem-sssr-eto-konets-moscham-netlennym-i-prochim-chudesam> (accessed: 01.03.2020).)

Соколова 2020 — Соколова А. «Вместо сжирания червями трупы людей в крематориях будем жечь»: кремация как технология чистоты в раннесоветском дискурсе // Новое литературное обозрение. 2020, № 163. С. 79–95. (Sokolova A. “Vmesto szhiraniya chervyami trupy lyudey v krematoriyakh budem zhech’”: krematsiya kak tekhnologiya chistoty v rannesovetskom diskurse // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020, No. 163. Pp. 79–95.)

Орлов 2015 — Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. (Orlov I. B. Kommunal'naya strana: stanovlenie sovetskogo zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva (1917–1941). Moscow, 2015.)

Орлова 2008 — Орлова Г. А. За строкою учебника: картографическая политика и советская школа в 1930-е гг. // Учебный текст в советской школе: сб. статей. / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 77–103. (Orlova G. A. Za strokoymy uchebnika: kartograficheskaya politika i sovetskaya shkola v 1930-e gg. // Uchebnyy tekst v sovetskoy shkole: sb. statey. / Ed. by S. G. Leont'eva, K. A. Maslinskiy. Saint-Petersburg; Moscow, 2008. Pp. 77–103.)

Осокина 2019 — Осокина Е. А. Алхимия советской индустриализации: время Торгсина. М.: Новое литературное обозрение, 2019. (Что такое Россия). (Osokina E. A. Alkimiya sovetskoy industrializatsii: vremya Torgsina. Moscow, 2019.)

Хеллман 2016 — Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. (Hellman B. Fairy tales and true stories: the history of Russian literature for children and young people (1574–2010). Moscow, 2016. — In Russ.)

Хоффманн 2018 — Хоффманн Д. Л. Возращивание масс. Модерное государство и советский социализм, 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. (Historia Russica). (Hoffmann D. L. Cultivating the Masses. Modern state practices and Soviet Socialism 1914–1939. Moscow, 2018. — In Russ.)

Шишкин 2018 — Шишкин А. Как в бывшем детском приюте в Петербурге появился первый в России крематорий? История дома на Васильевском острове // Эл. газета «Бумага». 18.09.2018. URL: <https://paperpaper.ru/kak-v-byvshem-detskom-priyute-v-peterbur> (дата обращения 01.03.2020). (Shishkin A. Kak v byvshem detskom priyute v Peterburge poyavilsya pervyy v Rossii krematoriy? Istoriya doma na Vasil'evskom ostrove // El. paper «Bumaga». 18.09.2018. URL: <https://paperpaper.ru/kak-v-byvshem-detskom-priyute-v-peterbur> (accessed: 01.03.2020).)

Шкаровский 2006 — Шкаровский М. В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средства борьбы с религией // Клио. 2006. № 3 (34). С. 158–163. (Shkarovskiy M. V. Stroitel'stvo Petrogradskogo (Leningradskogo) krematoriya kak sredstva bor'by s religiyey // Klio. 2006. No. 3 (34). Pp. 158–163.)

Kotkin 1997 — Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as a Civilization. Berkley: Univ. of California Press, 1997.

Stites 1989 — Stites R. Revolutionary dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1989.

Irina Suslova

The Institute of Russian Literature (Pushkin House); Vladimir Mayakovsky Central city public library

“WE MUST LEARN MORE ABOUT THE MACHINES”: MATERIALS ON CREMATION IN THE NEWSPAPERS PIONERSKAYA PRAVDA AND LENINSKIYE ISKRY (1927–1930S)

Industrialization was one of the essential subjects of the Young Pioneer press in the late 1920s. The largest Soviet newspapers for children, the Pionerskaya Pravda and Leninskiye Iskry, continuously published stories on the Five-Year Plan's construction projects. The periodicals encouraged the Young Pioneers to actively contribute to the Five-Year Plan implementation, learning more about technology and promoting subscription for State loans. One of the topics of the 1927–1930 propaganda campaign in the Young Pioneer press was cremation. In parallel to publications in adult newspapers (such as the Izvestiya, Ogonyok, or Bezbozhnik), the Pioneer periodicals published eight stories on advantages of cremation and on the opening of the Donskoy Crematorium on Moscow in October 1927. The first Soviet crematorium was built before the launch of the Five-Year Plan, but its full-swing implementation into the early Soviet discourse coincided with the first years of industrialization. The Soviet crematorium was presented as one of the Five-Year Plan's construction projects, on a par with factories. The achievements of the first years of that facility's operation were communicated to children. The crematorium was viewed as a technical achievement, and as a weapon in the struggle against religion, and as a symbol of new urban pattern (without temples and vast cemeteries). From the day of its opening, Moscow's crematorium became a sightseeing attraction, in particular for groups of schoolchildren. Young Pioneers from other regions could only “make a tour” to the crematorium with the aid of illustrated newspaper stories or exhibitions. One of such expositions open to the public, the “Cremation” electrical panorama, was in operation in Leningrad in 1929–1930.

Keywords: Children's literature in the 1920s, Children's periodicals, Soviet newspapers and magazines, Soviet ideology, Industrialization, Five-Year Plan